

Г. П. ЩЕДРОВИЦКИЙ

1. Постановка проблемы: исследование понимания схемы и деятельности

Общеизвестно, что в одном и том же тексте (описывающем некоторое положение дел, формулирующем условия задачи и т. п.) разные люди находят и выявляют разный смысл, и сам по себе этот факт кажется естественным и не вызывает удивления. Но если мы сопоставим его с другим фактом, известным из специальных экспериментов, — во многих случаях эти люди одинаково определяют значения отдельных слов и частичных выражений, составляющих текст, — то он уже не будет казаться таким естественным и у нас появится основание для того, чтобы задуматься. Во всяком случае, причину и источник расхождений в понимании текста надо будет искать не только в различии используемых людьми исходных значений слов, но также и в чем-то другом; даже при самой осторожной позиции мы должны будем признать, что значения образуют лишь одну группу факторов, определяющих процесс смыслообразования.

Среди других возможных факторов, определяющих понимание текста (и характер выявляемого, или создаваемого при этом смысла), обычно называют: 1) цели, стоящие перед людьми, 2) принятые ими системы ценностей, 3) ситуации, в которых им приходится действовать, 4) представления об объектах, с которыми они имеют дело, и, наконец, 5) средства, которыми они пользуются в деятельности. Более того, многочисленные примеры из опыта нашей жизни и деятельности показывают, что участие в единой деятельности и обусловленное этим единство «рабочей» ситуации, средств деятельности и представлений об объектах обеспечивают единство и близость понимания текста даже в тех случаях, когда значения отдельных слов и выражений сильно отличаются друг от друга или даже просто неизвестны каким-то участникам коммуникации; особенно ярко этот момент проявляется при переводах научно-технических текстов с другого языка: прекрасное знание значений всех слов не обеспечивает еще понимания смысла текста и, вместе с тем, можно очень точно улавливать этот смысл, не зная в точности значений отдельных слов и выражений.

Таким образом, если мы хотим исследовать условия и механизмы понимания текстов, или, более широко, условия и механизмы взаимопонимания людей в процессе общения, то должны привлечь к рассмотрению, наряду со значениями отдельных знаков и стандартных выражений, широкий круг внетекстуальных явлений, связанных с деятельностью, культурой и способами мышления общающихся людей.

Этот принцип — а к нему исследователи приходили уже давно и от

анализа самых разных сторон общения — до сих пор не мог быть реализован в исследованиях, поскольку до сих пор не был разработан метод, который позволил бы рассматривать в месте и в единой системе такие факторы, как цели, ценности, средства и операции деятельности, представления объектов и ситуаций — факторы разнородные, произвольно меняющиеся, постоянно взаимнокомпенсирующие друг друга, да к тому же еще как бы пересекающиеся и сталкивающиеся друг с другом в актах коммуникации и совместной деятельности людей; каждый из них рассматривался сам по себе, отдельно и независимо от других, но именно такой подход исключал всякую возможность понять законы и механизмы его жизни (а вместе с тем и характер его влияния на общение) как раз в силу их общей взаимозависимости, постоянных столкновений и взаимных компенсаций. Другими словами, внетекстуальные факторы, влияющие на понимание текста, не могли быть исследованы потому, что они брались и рассматривались как изолированные и независимые объекты, а не как *моменты и элементы единого, объединяющего их всех объекта*.

В этом положении по сути дела уже сформулирована альтернативная программа исследований. Чтобы решить поставленные выше задачи, необходимо, на наш взгляд, сконструировать особый *идеальный объект*, в котором бы все перечисленные выше факторы были связаны и правилосообразным, регулярным способом соотносились бы друг с другом; иначе говоря, надо создать особое *системное*, а далее даже *конструктивное* «пространство», пользуясь которым исследователь мог бы анализировать процессы понимания и смыслообразования, с одной стороны, разделяя все эти разнородные факторы, а с другой, собирая из них по регулярным правилам модели, объясняющие каждый раз, почему появился именно этот, а не другой смысл, и как он появился.

Именно в этих целях, прежде всего в связи с задачами исследования знаков и знаний, создавались первые представления о деятельности и с этой же целью разрабатывается сейчас *Общая теория деятельности*, призванная дать единое «пространство», или единый идеальный объект, в котором найдут себе место и будут «врезаны» в единую систему связей и зависимостей столь разнородные (и потому на первый взгляд несопоставимые) явления и факторы, как *знания, операции, вещи, машины, цели, мотивы, сознание, знаки, смыслы, значения, ценности* и т. п.) см. [1] [2] [3] [4] [5] [6] [7]).

Эта методологическая установка с самого начала накладывает определенные требования на все представления о деятельности — на способы ее категоризации, язык онтологических картин и логическую организацию понятий. В частности оказывается, что в описании деятельности уже не могут быть эффективными категории «вещь-свойство», «отношение» и «процесс». Деятельность выступает как *система* (или *полисистема*), составленная из многочисленных и весьма разнообразных функциональных и материальных компонентов, объединяемых в целое различными связями и зависимостями (ср. [8] [9] [10] [11] [12]).

Каждый из этих компонентов имеет свое относительно самостоятельное «движение» и связан с другими компонентами того же типа: люди — с людьми, машины — с машинами, знаки — со знаками, цели — с целями и т. п. Вместе с тем, каждый компонент связан с компонентами других типов и в связи друг с другом они образуют множество структур разного вида и сорта. Таким образом, любая система деятельности оказывается *полиструктурой*, т. е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом.

Компоненты разного типа, входящие в систему деятельности, подчиняются разным группам законов и живут каждый в своем особом процессе. Вместе с тем, эти компоненты и процессы их изменения связаны в единство общей системой целостной деятельности. Поэтому можно сказать, что деятельность есть *неоднородная* полиструктура, объединяющая много разных и разнонаправленных процессов, протекающих с разным темпом и, по сути дела, в разное время.

Поскольку все процессы, конституирующие структуру деятельности, развертываются на определенном материале, и, с одной стороны, «отпечатывают» себя в виде *организованностей материала*, а с другой стороны, — взаимодействуют с этими организованностями, частично подчиняясь их ограничениям, а частично ломая и преодолевая их, постольку изучение всякой реальной системы деятельности предполагает весьма сложную процедуру анализа, как бы разлагающую ее по четырем *категориальным слоям* — 1) процессов, 2) функциональных структур, 3) организованностей материала и 4) морфологии (ср. [13] [14] [15] [16] [17]).

Введенная таким образом категориальная характеристика деятельности определяет *методы исследования* как деятельности вообще, так и любых частных видов деятельности. В зависимости от целей и задач исследования в деятельности можно выделять в качестве относительно целостных и самостоятельных объектов изучения разные структуры, представлять их в виде самостоятельных систем и тогда будут получаться качественно разные представления деятельности. Это значит, что в Теории деятельности будет фигурировать несколько различных «единиц» деятельности.

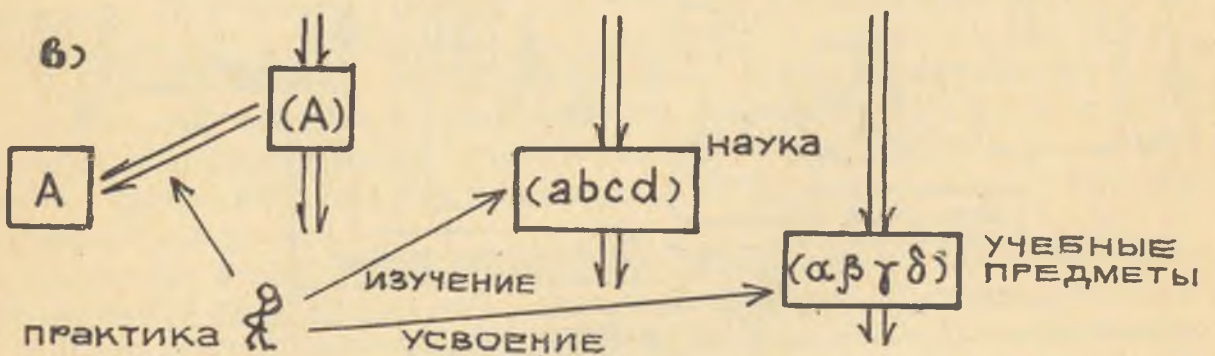
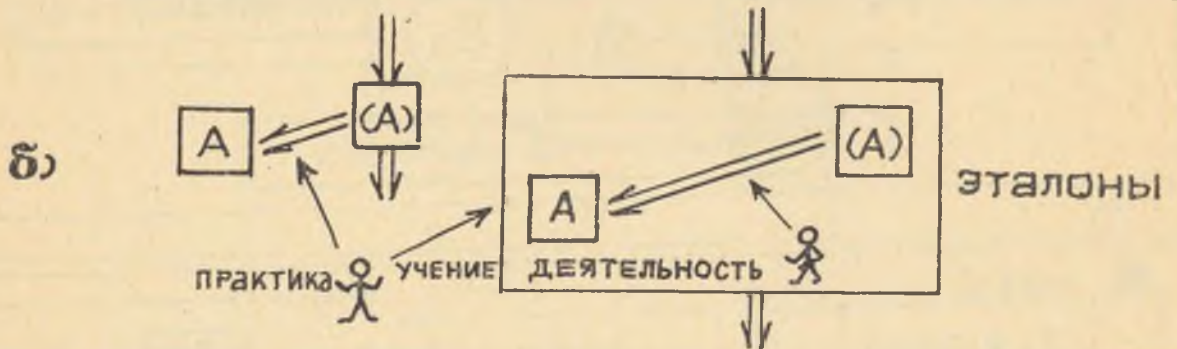
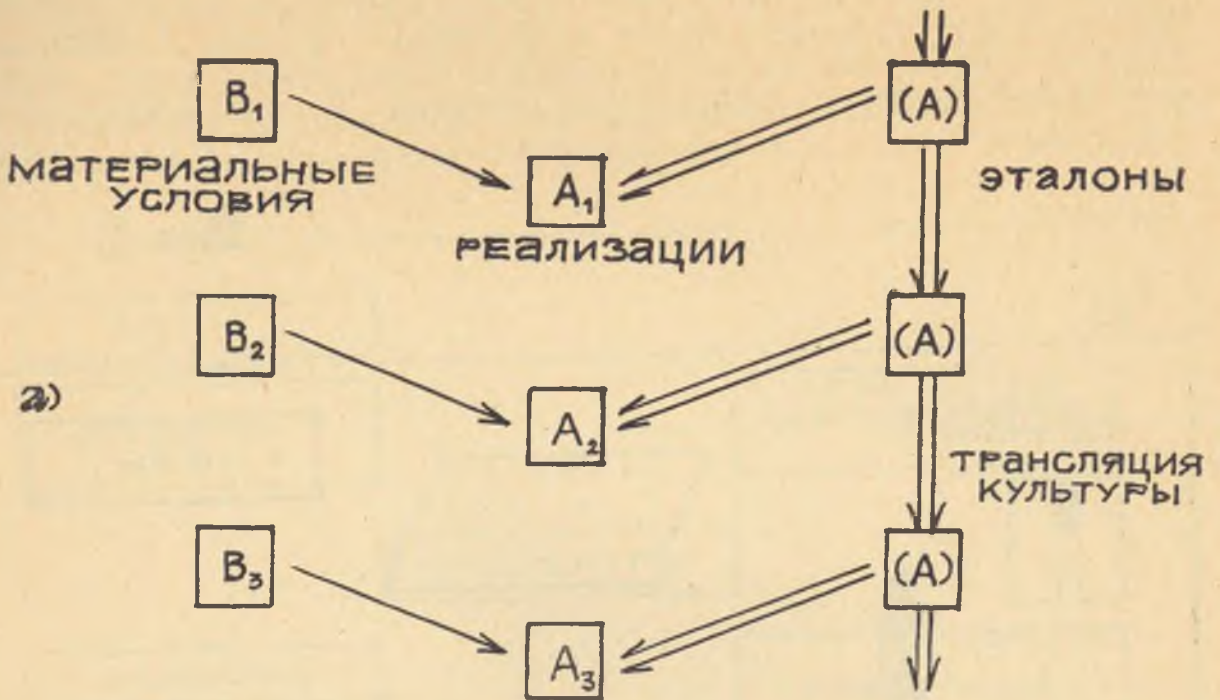
Так например, можно взять в качестве единицы деятельности весь социальный организм в целом и представить его в виде довольно простых структур, соответствующих основным механизмам его жизни, например, *механизму воспроизводства* (см. рис. 1), и считать объект, заданный этой структурой, полной и самодостаточной системой. Для многих задач такое представление деятельности будет исходным и основным в теоретическом развертывании моделей деятельности; объекты, заданные такими моделями, мы называем «*массовой деятельностью*» (см. [1] [2] [3] [4] [18]).

В рамках «массовой деятельности» можно выделить другие более частные системы деятельности, изображающие различные фрагменты или части социального организма, например, *сферы производства, обучения, науки, проектирования* и т. п. (см. [3] [4] [19] [20] [21]).

Но точно также можно взять в качестве единицы и системы ту деятельность, посредством которой решаются отдельные частные задачи; это будет представление деятельности, взятое как бы в другом «повороте» и на другом уровне структурности (см. рис. 2); мы называем такие представления деятельности «*частными*», или, что то же самое, представлениями «*актов деятельности*» (см. [22] [23] [15] [19]).

Среди этих «частных» изображений деятельности есть такие, в которых деятельность или ее отдельные элементы и подсистемы рассматриваются как зафиксированные, с одной стороны, в виде *вещественных и знаковых средств*, которые нужно усвоить, а с другой стороны, в виде *норм тех процедур*, которые нужно осуществить, чтобы получить определенные продукты, и в этом плане — как противопоставленные или противостоящие каждому отдельному индивиду. Подобные изображения того, что каждый человек должен делать, чтобы быть членом социальной системы, называются нами обычно «*нормативными*» изображениями деятельности (см. [24] [25] [26] [27] [28] [29] [30] [31] [32] [33]).

Рис. 1

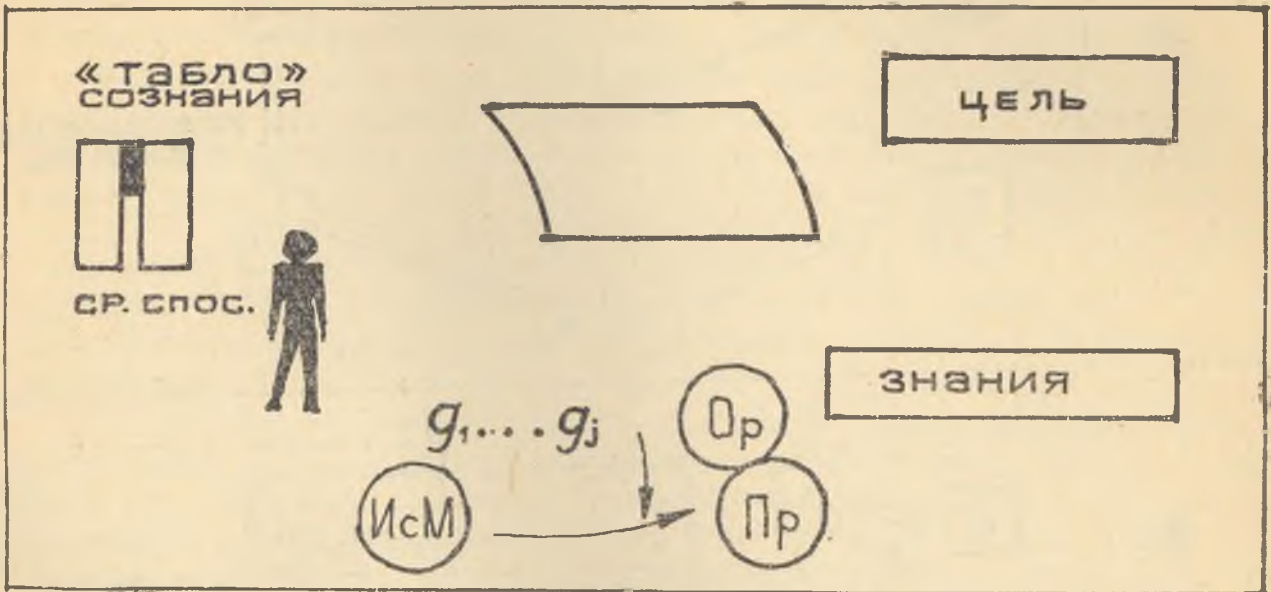
Наконец, есть совсем абстрактные, собственно методические представления деятельности в виде набора блоков; самое простое из них имеет вид, представленный на рис. 3, но чаще употребляются более сложные схемы с большим числом различных блоков. Все они выступают в роли «разборных ящиков», помогающих выделять основные элементы как в своей собственной деятельности, так и в деятельности других людей (см. [8; 12] [34] [35] [36] [37] [38]).

Каждый из этих способов изображения деятельности имеет свою область практических и методологических приложений, каждый задает особую группу моделей и схем, которые ложатся в основание тех или иных описательных или оперативных систем знания.

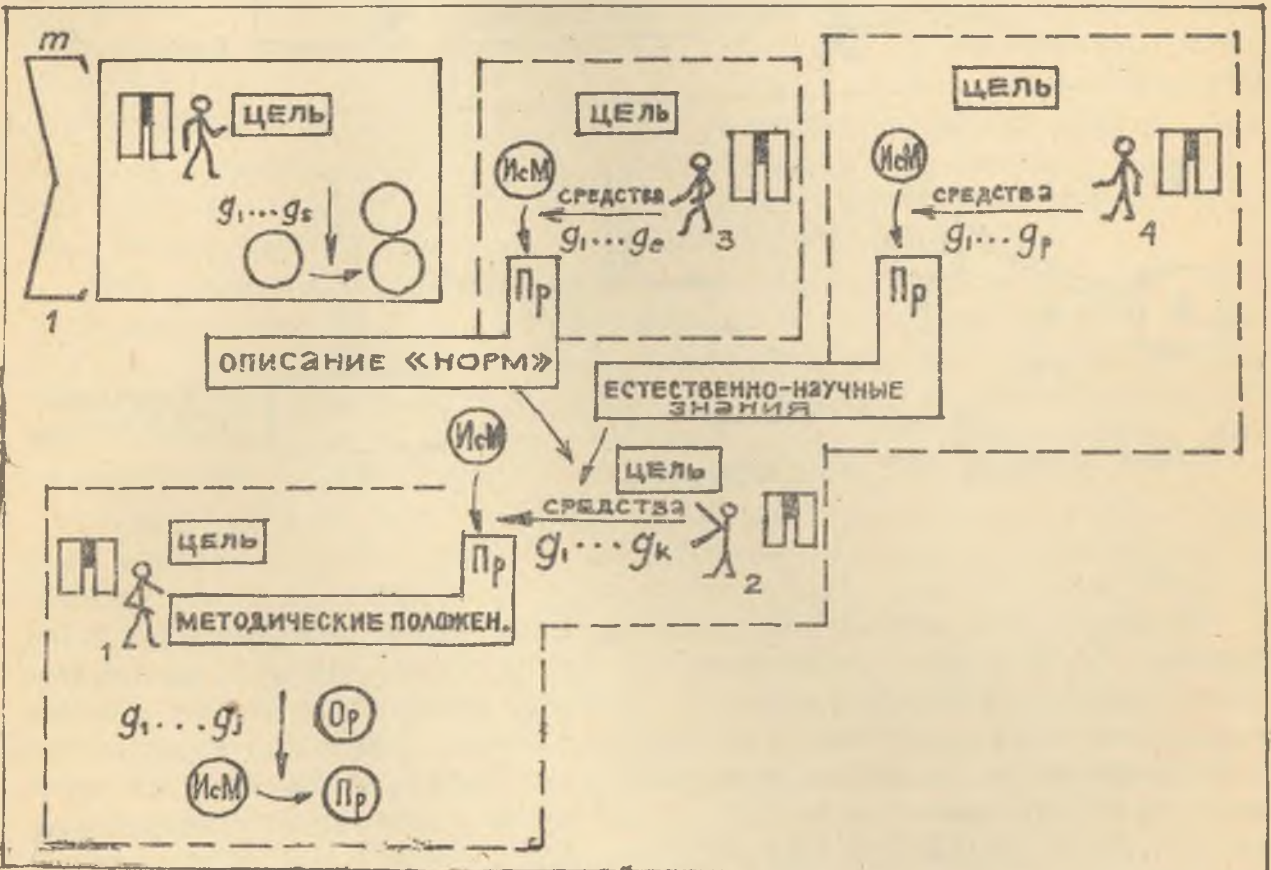
Конечно, ответ на вопрос о том, какие схемы и модели деятельности вообще возможны и какие из них дают адекватное представление деятельности как действительности совсем особого рода, будет получен лишь в ходе будущего многолетнего развития Теории деятельности и

Рис. 2

а)

б)

всех опирающихся на нее дисциплин, но уже сейчас можно отметить два существенных обстоятельства, характеризующих эти схемы.

Одно из них заключается в том, что схемы деятельности, благодаря неоднородности своих элементов и полиструктурному характеру, обладают значительно большими *оперативными возможностями*, чем любые другие схемы и модели из уже существующих естественно-научных теорий. В принципе они таковы — и это соответствует реальному положению человеческой деятельности, — что позволяют описывать и объяснять с определенной стороны все, что встречается и может встретиться в на-

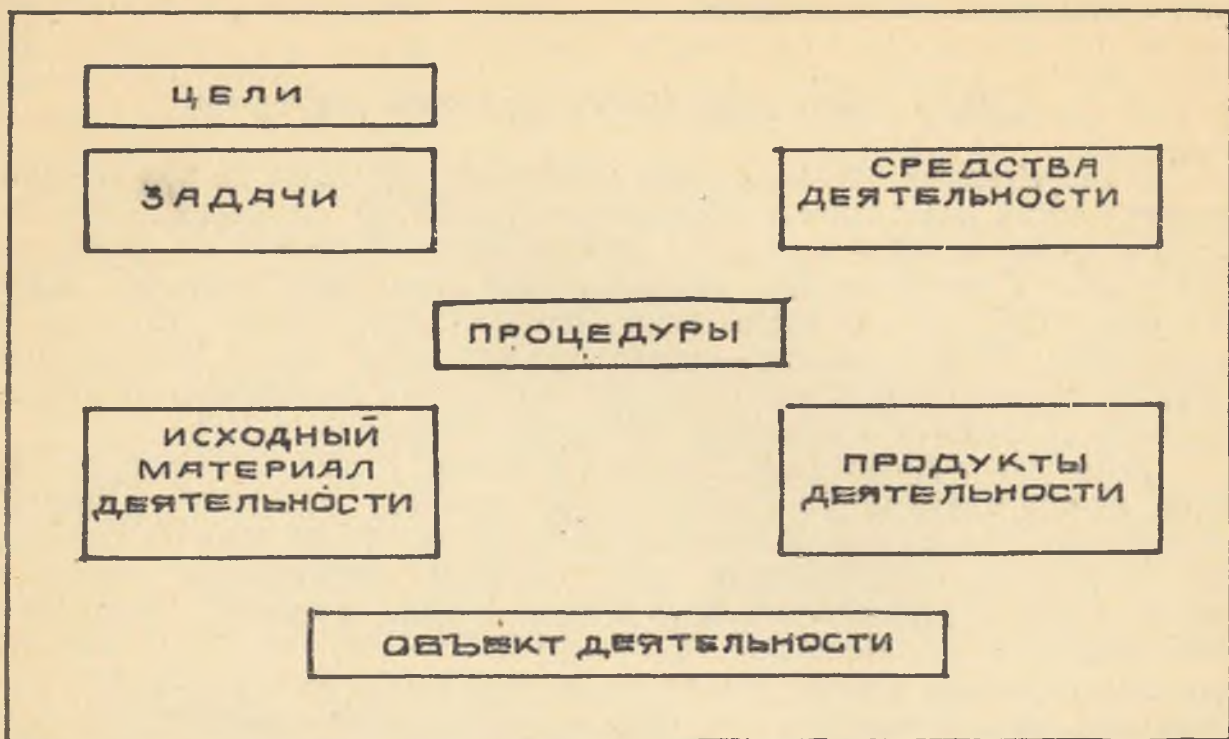

Рис. 3

шем опыте. При этом то, что мы называем «деятельностью», выступает, с одной стороны, как предельно широкая, по сути дела универсальная, *конструктивная система*, из единиц которой можно строить модели любых социальных явлений и процессов, а с другой стороны (при соответствующей объективирующей интерпретации), — как «*субстанция*» особого типа, подчиняющаяся специфическим *естественным законам функционирования и развития*.

Благодаря этому схемы деятельности, когда они соотносятся с другими схемами, изображающими какие-то социальные процессы, отношения и связи, могут трактоваться как изображения *механизмов* этих процессов и связей (при этом всякая единица деятельности имеет, конечно, свою собственную систему, включающую разнообразные элементы и связи между ними). Тогда утверждение, что та или иная единица деятельности выступает как механизм, осуществляющий или производящий какую-то другую структуру, означает, что мы каким-то образом соотносим эти две структуры и устанавливаем между ними строго определенное отношение.

Вторым важным обстоятельством является то, что уже существующие схемы и модели деятельности позволяют рационально и сравнительно просто объяснять такие соотношения между разными элементами нашего мира, которые до самого последнего времени вызывали одно

лишь удивление и казались до крайности парадоксальными и мистическими.

Одним из таких явлений в нашей деятельности и в мышлении является *рефлексия*. Это — один из самых интересных и сложных процессов среди тех, которые мы наблюдаем в деятельности; одновременно рефлексия является важнейшим моментом в *механизмах развития* деятельности, моментом, от которого зависят все без исключения *организованности деятельности*, в том числе, смысл текстов и значения отдельных знаков и выражений. Поэтому, анализируя процессы коммуникации и процессы понимания текстов, мы никак не можем обойти анализ рефлексии и рефлексивных отношений.

2. Из истории философских трактовок рефлексии

В современных энциклопедиях рефлексия определяется как «форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление всех своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека» [39], или как «осмысление чего-либо при помощи изучения и сравнения; в узком смысле — новый поворот духа после совершения познавательного акта к «я» (к центру акта) и его микрокосму, благодаря чему становится возможным присвоение познанного» [40].

Хотя уже у Аристотеля, Платона и далее, у средневековых схоластов, можно найти много глубоких рассуждений, касающихся разных сторон того, что мы сейчас относим к рефлексии, все же принято считать, что основной и специфический круг проблем, связываемых сегодня с этим понятием, зарождается лишь в новое время, а именно, благодаря полемике Локка и Лейбница (см. [41;] [42; 99—108, 115—116]); как бы мы ни относились к такой трактовке истории проблемы и какую бы важную роль ни приписывали античным и средневековым мыслителям, бесспорно, что именно у Локка и Лейбница рефлексия начинает трактоваться как *сознавание сознания*, или *самопознание*, как «поворот духа к «я» и благодаря этому приобретает отчетливо психологическую окраску.

Пolemика Локка и Лейбница стимулировала размышления И. Канта, закрепившего такую трактовку рефлексии; вместе с тем понятие рефлексии приобрело у него ту *гносеологическую* (и вместе с тем *методологическую*) форму, в которой оно сейчас обычно и репрезентируется¹. У Фихте в дополнение к этому рефлексия получила *эпистемологический*

¹ «Рефлексия не имеет дела с самими предметами и не получает понятий прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы приспособляемся к тому, чтобы найти субъективные условия, при которых мы можем образовать понятия. Рефлексия есть сознание отношения данных представлений к различным нашим источникам познания, и только при ее помощи отношение их друг к другу может быть правильно определено. Раньше всякой дальнейшей обработки самих представлений мы должны решить вопрос, в какой способности познания они связаны друг с другом... Не все суждения нуждаются в исследовании, т. е. во внимании к основаниям их истинности... Но все суждения и даже все сравнения требуют рефлексии, т. е. различения той способности познания, которой принадлежат данные понятия».

«Да будет позволено мне называть место, уделяемого нами понятию или в чувственности, или в чистом рассудке, трансцендентальным местом. Соответственно этому оценку места, принадлежащего всякому понятию согласно различиям в его применении, и руководство — для определения места всякого понятия, согласно правилам, следовало бы называть трансцендентальной топику; эта наука основательно предохраняла бы от всяких подтасовок чистого рассудка и возникающей отсюда шумихи, так как она всегда различала бы, какой познавательной способности принадлежат понятия...» [43; 185, 189].

оттенок (рефлексия знания есть «наукоучение»)² и была поставлена в контекст процессов развертывания или развития «жизни»³. Гегель сделал попытку дать рефлексии имманентное определение в рамках общей картины функционирования и развития духа (см. [45; 466—481]). После Гегеля понятие рефлексии стало и остается до сих пор одним из важнейших в обосновании философского анализа знания⁴.

3. Принципы возможного научно-теоретического подхода к рефлексии

Вместе с тем, до сих пор почти не было попыток описать рефлексии или тем более построить ее модель в рамках *собственно научного*, а не философского анализа деятельности и мышления. Во многом это объясняется тем, что не ставилась сама задача создания *теорий* деятельности и мышления. Но если мы ставим и всячески подчеркиваем эту задачу, то естественно, должны удовлетворить всем требованиям и критериям собственно научного воспроизведения объекта.

Это значит, что мы должны среди прочего: а) выявить и схематизировать все те свойства рефлексии, которые были зафиксированы в предшествующих философских исследованиях, 2) выбрать или построить язык, онтологические картины и понятия — одним словом, средства, с помощью которых, по нашему предположению, можно изобразить и описать рефлексии таким образом, чтобы эти изображения или описания допускали эмпирическую проверку, 3) выявить и сформулировать наибольшее число парадоксов, возникающих из-за несоответствия между выбранными средствами и схематизированными до того свойствами рефлексии, 4) так преобразовать и развернуть выбранные средства (включая сюда конфигурирование⁵ и разделение предметов), чтобы в изображениях и описаниях рефлексии, построенных на их основе, были бы сня-

² «Рефлексия, которая должна происходить в том же осознании, есть состояние совершенно отличное от внешнего восприятия, отчасти даже противоположное ему... Знание в своей внутренней форме и сущности есть бытие свободы... Об этой свободе я утверждаю, что она существует сама по себе... И я утверждаю, что это самостоятельное, особое бытие свободы есть знание... В знании действительного объекта вне меня как относится объект ко мне, к знанию? Без сомнения, так: его бытие и его качества не прикреплены ко мне, я свободен от того и другого, парю над ними, вполне к ним равнодушен... Свободу, необходимую для того, чтобы сознание носило хотя бы форму знания, оно получает от объективирующего мышления, благодаря которому сознание, хотя и связанное с этим определенным построением образов, подымается по крайней мере над бытием и становится свободным от него. Таким образом, в этом сознании соединяются связанная и освобожденная свобода: сознание связано в построении, свободно от бытия, которое поэтому переносится мышлением на внешний предмет. Рефлексия должна поднять знание над этой определенной связанностью, имеющей место во внешнем восприятии. Оно было связано в построении, следовательно, оно должно стать свободным и безразличным именно по отношению к этому построению, подобно тому, как раньше оно стало свободным и безразличным по отношению к бытию... В рефлексии есть свобода относительно построения, и поэтому к этому первому сознанию бытия присоединяется сознание построения. В восприятии сознание заявляло: вещь есть, и больше ничего. Здесь новое возникшее сознание говорит: есть также образ, представление вещи. Далее, так как это сознание есть реализованная свобода построения, то знание высказывает о себе самом: я могу создать образ этой вещи, представить ее, могу также и не создавать» [44; 8—10].

³ «Я описал внешнее восприятие, как такое состояние сознания, причина которого лежит просто в самом существовании сознания, а то новое состояние, которое вызывается рефлексией, как такое, которое задерживает поток причинности, и тогда жизнь становится принципом, благодаря возможности свободного акта» [44; 15 и далее]; см. также [44; 138—140].

⁴ Ср. например: Рефлексия — «название для актов, в которых поток переживания со всеми его разнообразными событиями... становится ясно постигаемым и анализируемым» [46; 181].

⁵ О понятии конфигурирования см. [47] [48] [49] [50].

ты все отмеченные парадоксы, объяснены зафиксированные свойства рефлексии и, вместе с тем, сохранялась возможность эмпирической проверки всех этих изображений и описаний. И когда это будет сделано, начнется собственно научное изучение рефлексии в рамках одного или нескольких научных предметов.

Сформулированная таким образом задача определяет как тот курс, в котором мы должны рассматривать рефлексия, так и путь наших рассуждений.

Естественно — это вытекает уже из самой формулировки темы, — что рефлексия рассматривается нами в контексте деятельности и с точки зрения средств теории деятельности; при этом два аспекта представляются наиболее важными: 1) изображение рефлексии как *процесса* и *особой структуры* в деятельности и 2) определение рефлексии как *принципа развертывания схем деятельности*; последнее предполагает, с одной стороны, формулирование соответствующих формальных правил, управляющих конструированием моделей теории деятельности, а с другой — представление самой рефлексии как механизма и закономерности естественного развития самой деятельности⁶.

Но берем ли мы рефлексия в первом или втором аспекте, для каждого из них то описание и представление ее, которое было дано в предшествующих философских исследованиях, оказывается слишком сложным, многосторонним и нерасчлененным. То, что мы узнаем о рефлексии из философских представлений, связывает ее, во-первых, с процессами производства новых смыслов, во-вторых, с процессами объективации смыслов в виде знаний, предметов и объектов деятельности и, наконец, в-третьих, — со специфическим функционированием этих знаний, предметов изучения и объектов в «практической деятельности». И это, наверное, еще не все. Но даже этого уже слишком много, чтобы пытаться непосредственно представить все в виде какого-то одного сравнительно простого процесса или простой структуры в деятельности или, соответственно, в виде единого механизма или формального правила для конструирования и развертывания схем деятельности. Поэтому мы должны попытаться каким-то образом свести все моменты, посредством которых сейчас характеризуют рефлексия, к более простым отношениям, связям и механизмам, чтобы затем вывести их из последних и таким образом в конце концов организовать все в единую систему, изображающую рефлексия во всей полноте ее вариантов и их признаков.

В качестве гипотезы мы принимаем тезис, что нужные нам в этом случае более простые отношения, связи и механизмы задаются *идеями кооперации деятельности*. Исходя из этой идеи, мы можем описать и изобразить разнообразные единицы актов деятельности, подыскать конструктивные правила развертывания их в более сложные системы и проинтерпретировать процедуры конструктивного развертывания на эмпирически фиксируемых процессах функционирования и развития деятельности⁷. Затем, используя полученные таким образом схемы в качестве моделей, мы можем попытаться вывести из них специфические характеристики функционирования и развития сознания, смыслов, знаний, предметов и объектов, а также самой рефлексии — самой по себе и в отношении ко всем перечисленным организованностям деятельности. Но это

⁶ О принципах такого развертывания и сочетании в них «естественного» и «искусственного» см. наши работы [1; 30—38] [3; 102—117] [19; 141—150].

⁷ На значение кооперации в развитии разных форм человеческой культуры и сознания человека указывали многие философы. Огромное значение фактору кооперации придавал К. Маркс, подчеркивавший, в частности, что именно в нем надо искать ключ

означает, что должна быть задана схема такой кооперативной связи, которая могла бы рассматриваться в качестве исходной «рамки» для задания и объяснения в дальнейшем всех специфических проявлений рефлексии.

В этой роли у нас выступает схема так называемого «рефлексивно-го выхода». Она была получена в связи с другими задачами⁸, но затем была использована для введения и объяснения рефлексии как таковой. И хотя, наверное, рефлексия может вводиться на основе анализа многих различающихся между собой эмпирических ситуаций, мы повторим здесь вкратце тот способ введения ее, который мы давали в исходных работах.

4. Дидактическое введение исходной «рамки» рефлексии

Представим себе, что какой-то индивид производит деятельность, заданную его целями (или задачами), средствами и знаниями, и предположим, что по тем или иным причинам она ему не удается, т. е. либо он получает не тот продукт, который хотел, либо не может найти нужный материал, либо вообще не может осуществить необходимые действия. В каждом из этих случаев он ставит перед собой (и перед другими) вопрос: почему у него не получилась деятельность и что нужно сделать, чтобы все-таки получилось то, что он хочет.

Но откуда и как можно получить ответ на такой вопрос?

Самым простым будет случай, когда он сам (или кто-то другой) уже осуществляли деятельность, направленную на достижение подобной цели в сходных условиях, и, следовательно, уже есть образцы такой деятельности. Тогда ответ будет *простым описанием* соответствующих элементов, отношений и связей этой деятельности, лишь переведенным в форму *указания* или *предписания* к построению ее копии⁹.

Более сложным будет случай, когда деятельность, которую нужно осуществить в связи с поставленными целями и данными условиями, еще никогда никем не строилась, и, следовательно, нет образцов ее, которые могли бы быть описаны в методических положениях. Но ответ все равно должен быть выдан, и он создается, теперь уже не просто как описание

к объяснению всех форм самосознания человека. Кооперация рассматривалась в политэкономии и социологии, но преимущественно как факт разделения труда, оказывающий влияние на формирование социальных групп и классов. В таких дисциплинах, как производственная технология, теория организации производства (мэнеджмент) и НОТ кооперация бралась либо в плане влияния ее на организацию машинных систем, либо же в плане определения норм действия и деятельности отдельного человека.

Мы не перечисляем здесь других подходов, в которых кооперативные связи деятельности выступали в том или другом аспекте — их было достаточно много, — важно, что несмотря на обилие разных подходов, сами связи кооперации так и не стали предметом специального научного изучения. Объясняется это, в первую очередь, тем, что ни одно из развившихся к настоящему времени научных направлений не выделило ту абстрактную идеальную действительность в которой связи кооперации могли бы существовать и выступать для исследователя имманентно. И наоборот, лишь задание деятельности в качестве особой и самостоятельной идеальной действительности дает, на наш взгляд, основание для подобного подхода и развертывания собственно научных исследований кооперативных связей самих по себе и для себя.

⁸ Решающую роль здесь сыграли два момента: 1) необходимость объяснять специфику и происхождение методологических знаний (см. [22]) и 2) полемика с В. А. Лефевром по поводу предложенных им схем и формальных описаний рефлексии (см. [51], а также для сравнения [52] [53] [54]).

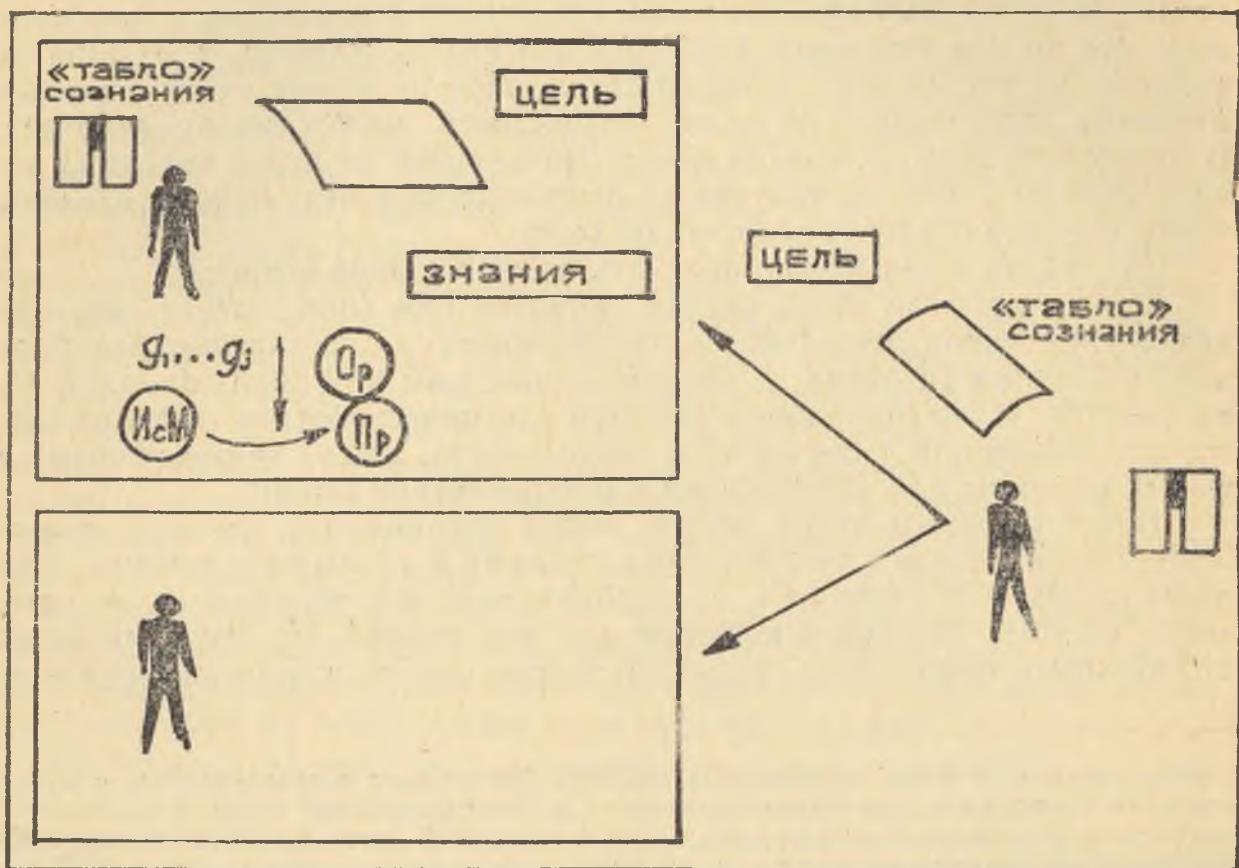
⁹ По поводу методических предписаний как особой формы знаний см. [3; 102—110] [55].

ранее совершенной деятельности, а как *проект* или *план* *предстоящей деятельности*¹⁰.

Но сколь бы новой и отличной от всех прежних ни была проектируемая деятельность, сам проект или план ее может быть выработан только на основе анализа и осознания уже выполненных раньше деятельностей и полученных в них продуктов.

Каким должен быть этот анализ и фиксирующие его описания и каким образом проект новой деятельности будет опираться на подобные описания — все это вопросы, которые должны обсуждаться особо (и частично они будут затронуты дальше). А нам важно подчеркнуть, что во всех случаях, чтобы получить подобное описание уже произведенных деятельностей, рассматриваемый нами индивид, если мы берем его в ка-

Рис. 4

¹⁰ Ср.: «Чтобы схематизировать себя как таковой, для созерцания ей (способности, — Г. Щ.) необходимо раньше своей деятельности увидеть возможность этого действия, и ей должно казаться, что она может его совершить, а может и не совершать. Это возможное действие она не может увидеть в абсолютном должествовании, которое на этой ступени еще не видимо, поэтому она его видит в так же слепо схематизированной причинности, которая, однако, не есть непосредственно причинность, а кажется, что она становится таковой вследствие видимого выполнения способности. А такая причинность есть влечение. Способность должна чувствовать влечение к тому, или иному действию, но это не определяет непосредственно ее деятельности, так как такая непосредственность заслонила бы от нее проявление ее свободы, а в ней-то весь вопрос... Если способность должна видеть себя как должествовавшую, то необходимо, чтобы раньше этого определенного видения себя как принцип, она видела бы вообще, а так как она видит только через посредство собственного саморазвития, то необходимо, чтобы она развивалась...» [44; 139—140, 138].

честве изолированного и «всеобщего индивида»¹¹, должен выйти из своей прежней позиции деятеля и перейти в новую позицию *внешнюю*, как по отношению к прежним, уже выполненным деятельности, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности (см. рис. 4). Это и будет то, что мы называем *рефлексивным выходом*; новая позиция деятеля, характеризующаясь относительно его прежней позиции, будет называться «рефлексивной позицией», а знания, вырабатываемые в ней, будут «рефлексивными знаниями», поскольку они берутся относительно знаний, выработанных в первой позиции. Схема рефлексивного выхода будет служить первой абстрактной модельной характеристикой рефлексии в целом.

Рассматривая отношения между прежними деятельностями (или вновь проектируемой деятельностью) и деятельностью индивида в рефлексивной позиции, мы можем заметить, что последняя как бы *поглощает* первые (в том числе и ту, которая еще только должна быть произведена); прежние деятельности выступают для нее в качестве *материала анализа*, а будущая деятельность — в качестве *проектируемого объекта*. Это отношение поглощения через знание выступает как вторая, хотя, как мы увидим чуть дальше, неспецифическая характеристика рефлексии в целом¹².

Отношение рефлексивного поглощения, выступающее как статический эквивалент рефлексивного выхода, позволяет нам отказаться от принципа «изолированного всеобщего индивида» и рассматривать рефлексивное отношение непосредственно как *вид кооперации* между разными индивидами и, соответственно, как вид кооперации между разными деятельностями. Теперь суть рефлексивного отношения уже не в том, что тот или иной индивид выходит «из себя» и «за себя», а в том, что развивается деятельность, создавая все более сложные кооперативные структуры, основанные на принципе рефлексивного поглощения. Вместе с тем, мы получаем возможность даже собственно рефлексивный выход отдельного изолированного индивида рассматривать тем же самым способом как образование *рефлексивной кооперации* между двумя «деятельностными позициями» или «местами».

Но для того, чтобы две деятельности — рефлектируемая и рефлектирующая — могли выступить в кооперации друг с другом как равноправные и лежащие как бы наряду, нужно, чтобы между ними установились те или иные *собственно кооперативные* связи деятельности и были выработаны соответствующие им организованности материала. Это могут быть «собственно практические» или инженерно-методические производственные связи, заключающиеся в передаче продуктов одной деятельности в качестве исходного материала или средств в другую деятельность; это могут быть собственно теоретические, идеальные связи объединения и интеграции средств деятельности, объектов, знаний и т. п. при обслу-

¹¹ Объяснение гносеологического принципа «изолированного индивида» и детальную критику его см. в работе [56].

¹² Последняя характеристика получает свой смысл и значение рефлексии только через первую, сама по себе она не содержит ничего специфически рефлексивного. Если мы правильно понимаем Гегеля, то именно это он имел в виду, когда ввел понятие о внешней рефлексии и характеризовал ее как чисто формальное действие: «И мыслительная рефлексия, поскольку она ведет себя как внешняя равным образом безоговорочно исходит из некоторого данного, чуждого ей непосредственного и рассматривает себя, как лишь формальное действие, которое получает содержание и материю извне, а само по себе есть лишь обусловленное последним движение» [45; 474]. Вообще было бы интересным и поучительным, хотя бы в плане анализа языка диалектики, рассмотреть гегелевские определения рефлексии с точки зрения вводимых нами схем и моделей.

живании какой-либо третьей деятельности (см. [23; 62—84]); какая именно из этих связей будет установлена — в данном контексте это для нас не важно, но важно то, что какая-то из этих связей должна возникнуть, ибо без этого невозможна никакая кооперация. И это требование сразу создает массу затруднений, а по сути дела даже — парадоксальную ситуацию.

5. Основной парадокс рефлексивной кооперации: невозможность взаимопонимания. Способы преодоления.

В самом общем виде суть этого парадокса состоит в том, что рефлексивный выход (или, что то же самое, отношение рефлексивного поглощения) превращает исходную деятельность даже не в объект, а просто в *материал* для рефлектирующей деятельности. Рефлектируемая и рефлектирующая деятельности не равноправны, они лежат на разных уровнях иерархии, у них разные объекты, разные средства деятельности, они обслуживаются разными по своему типу знаниями, и в силу всех этих различий между рефлектирующим и рефлектируемым деятелями не может быть никакого взаимопонимания и никакой коммуникации в подлинном смысле этого слова.

Действительно, представим себе, что индивид, находящийся во внешней позиции, описывает то, что происходит перед ним, в том числе различные элементы деятельности первого индивида — его объекты, действия, средства, цели и т. п., всех их обозначает соответствующими словами, а затем передает свое описание в сообщении первому индивиду. Текст сообщения прорывает границу между рефлектирующей и рефлектируемой деятельностями; созданный во второй, рефлектирующей деятельности, он оказывается теперь элементом первой, рефлектируемой. Первый индивид получает сообщение, он должен его понять и использовать «содержащиеся» в нем знания в своей деятельности. Но понять — это значит, прежде всего, восстановить смысл сообщения, выделить зафиксированные в нем объекты и «взять» их в таком ракурсе и в таких отношениях, в каких их брал второй индивид (см. по этому поводу [7], [57]). Нетрудно заметить, что в условиях, которые мы задали самой схемой рефлексивного выхода, это невозможно или, во всяком случае, очень трудно: первый индивид осуществляет иную деятельность, нежели второй, имеет иную картину всей ситуации и по-иному представляет себе все ее элементы; более того, они и реально являются для него иными, нежели для второго индивида, а поэтому все слова и все выражения полученного им сообщения он будет (и должен) понимать иначе, нежели их понимает второй — с иным смыслом и с иным содержанием.

Единственная возможность для первого индивида точно и адекватно понять смысл, заложенный в сообщении второго индивида, это — встать на его «точку зрения», принять его деятельностную позицию. Но это, как легко догадаться, будет уже совершенно искусственная трансформация, нарушающая естественные и необходимые условия сложившейся ситуации общения: в обычных условиях, описываемых предложенной схемой, переход первого индивида на позиции второго будет означать отказ его от своей собственной деятельности и своей собственной профессиональной позиции. Кооперация как таковая опять не получится.

Изложенные простые соображения тотчас же наталкивают на вопрос: а нет ли такого пути и способа понимания, который позволил бы первому индивиду восстановить подлинный смысл, заложенный в сооб-

шение вторым, и при этом сохранить свою собственную деятельностную позицию и свою собственную «точку зрения». Этот вопрос тем более оправдан, что в практике общения мы бесспорно сталкиваемся и с такими случаями и теперь важно найти для них теоретическую модель.

На наш взгляд, такой путь и способ понимания возможен и встречается только в тех случаях, когда первый индивид обладает совершенно особыми и специфическими средствами понимания, позволяющими ему, грубо говоря, объединять обе позиции и обе точки зрения, «видеть» и знать то, «видит» и знает второй, и, одновременно с этим, — то, что должен «видеть» и знать он сам; в простейших случаях первый индивид должен иметь такое представление о ситуации и всех ее объектах, которое *механически* соединяет представления первого и второго, но вместе с тем дает возможность разделить их, в более сложных случаях это будут представления «конфигураторного типа», объединяющие разные «проекции» (см. [47] [50]), но всегда это должны быть специальные средства и комплексные представления, вырабатываемые с целью объединения разных «точек зрения» и разных деятельностных позиций. А до тех пор, пока таких средств, и такого представления нет, первый индивид всегда стоит перед дилеммой: он должен отказаться либо от знаний и представлений, передаваемых ему вторым, рефлектирующим индивидом, либо от своей собственной деятельностной позиции и обусловленных ею представлений.

Таким образом, рефлексия, описанная нами как рефлексивный выход или рефлексивное поглощение, оказывается *чисто негативной, чисто критической и разрушительной связью*; чтобы стать положительным творческим механизмом, она должна еще дополнить себя какой-то *конструктивной процедурой*, порождающей условия и средства, необходимые для объединения рефлектируемой и рефлектирующей деятельности в рамках подлинной кооперации. И только тогда мы получим целостный механизм, обеспечивающий создание новых организованностей деятельности и их развитие.

Не вступая сейчас в детальное обсуждение встающих здесь проблем, мы отметим лишь несколько наиболее важных моментов, задающих, как нам кажется, весьма интересные направления исследований.

Объединение рефлектируемой и рефлектирующей позиции может проводиться либо *на уровне сознания* — случай, который более всего обсуждался в философии, — либо *на уровне логически нормированного знания*. В обоих случаях объединение может производиться либо на основе *средств рефлектируемой позиции* — в этих случаях говорят о *заимствовании* и *заимствованной позиции* (см. [52; 14—16]),¹³ либо же на основе специфических *средств рефлектирующей позиции* — тогда мы говорим о *рефлексивном подъеме* рефлектируемой позиции (см. [57]).

Когда рефлектирующая позиция вырабатывает свои специфические знания, но при этом не имеет еще своих специфических и внешне выраженных средств и методов, то мы говорим о *смысловой* (или *допредметной*) *рефлексии*, если же рефлектирующая позиция выработала и зафиксировала свои особые средства и методы, нашла им подходящую онтоло-

¹³ «Хотя сознание освободилось от первого состояния, оно все же может свободно в него возвращаться. Оно может себя делать таким сознанием, причинность которого заключается только в его бытии. Это возвращение известно всякому под именем внимания. К первому бытию, которое продолжает существовать, не поглощая всецело бытия сознания, прибавилось второе, властвующее над первым. Это второе, раз появившись, не может быть уничтожено, но оно свободно может снова отдаваться первому...» [44; 14].

гию и, следовательно, организовала их в особый научный предмет, то мы говорим о «предметной рефлексии».¹⁴

Каждое из этих направлений связи и организации знаний характеризуется своей особой логикой и методами анализа, причем одни способы и формы связи сохраняют специфику рефлексивного отношения, т. е. отнесенность знаний к *определенным* «способностям» или «источникам» познания (в терминологии Канта), к определенным видам деятельности и предметам (в нашей собственной терминологии), а другие, напротив, совершенно стирают и уничтожают всякие следы рефлексивного отношения.¹⁵

Если теперь выделять и рассматривать в отношении к рефлексии *проектные задачи развития науки*, то главной проблемой, по-видимому, станет проблема организации таких научных предметов, которые могли бы за счет своего имманентного движения постоянно снимать, «сплющивать» рефлексивность, т. е. объединять знания, онтологические картины, модели, языки и т. п., полученные в рефлектируемой и рефлектирующей позициях. Сама эта задача встала уже давно, но интенсивная работа по ее решению началась лишь со второй половины XVIII века (на наш взгляд, именно она породила специфический круг логических и методологических проблем, определивших основные направления развития теоретической логики XVIII и XIX столетий) и до сих пор не дала значительных результатов; что же касается *осознания* этой проблемы, то к нему пришли лишь в самое последнее время. Но именно это в первую очередь и является, на наш взгляд, залогом быстрого и эффективного продвижения в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. П. Щедровицкий. О методе семиотического исследования знаковых систем,— «Семиотика и восточные языки», М., 1967.
2. В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин, «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах,— Там же.
3. Г. П. Щедровицкий. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности,— «Обучение и развитие», Материалы к симпозиуму, М., 1966.
4. Г. П. Щедровицкий. О системе педагогических исследований (методологический анализ). Сб. «Оптимизация процесса обучения в высшей и средней школе», Душанбе, изд-во Таджикского госуниверситета, 1970.
5. Г. П. Щедровицкий. Деятельность и понятие деятельности,— «Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов, Тбилиси, 1971.
6. Г. П. Щедровицкий, Р. Г. Надежина. О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей,— «Вопросы психологии», 1973 № 5.
7. Г. П. Щедровицкий. Структура знака: смыслы и значения.— Сб. «Проблемы лексикологии», Минск, 1973, а также «Ideen des exakten Wissens. Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion», 1972, № 12.
8. Г. П. Щедровицкий. Проблемы методологии системного исследования, М., 1964; расширенный вариант в «General Systems», vol. XI, 1966.
9. Г. П. Щедровицкий. О принципах классификации наиболее абстрактных направлений методологии структурно-системных исследований,— сб. «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.
10. О. И. Генисаретский. Специфические черты объектов системного исследования,— «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.

¹⁴ Точнее, нужно было бы говорить о рефлексии, *успокоившейся в предмете*, ибо здесь стираются все следы его рефлексивного происхождения и дальнейшее развитие предмета может происходить без помощи и посредства знаний, получаемых в взаимствованной позиции; сама рефлектируемая деятельность превращается при этом в «чистую» практику, оторванную от каких-либо процедур получения знаний.

¹⁵ Хорошим примером принципов, сохраняющих рефлексивные отношения в знаниях, могут служить, во-первых, принцип двойного знания (см. [8; 25—29] [58]), а во-вторых, принцип и схемы конфигурирования (см., например, [48] [52; 4—11] [50]).

11. Г. П. Щедровицкий, В. Я. Дубровский. Логико-методологические проблемы системно-структурных исследований.— «Вопросы логики и методологии общей теории систем. Материалы к III Всесоюзному симпозиуму по кибернетике», Тбилиси, 1967.
12. В. А. Лефевр. Системы, нарисованные на системах,— «Системный метод и современная наука», вып. 1, Новосибирск, 1970.
13. Ю. Ф. Гушин, В. Я. Дубровский, Г. П. Щедровицкий. К понятию «системное проектирование»,— «Большие информационно-управляющие системы», 1969.
14. В. Я. Дубровский. К проблеме распределения функций в системах «человек-машина»,— «Большие информационно-управляющие системы», М., 1969.
15. В. Я. Дубровский, Г. П. Щедровицкий. Проблемы системного инженерно-психологического проектирования, М., 1970.
16. Г. П. Щедровицкий. Человек и деятельность в инженерно-психологических исследованиях,— «Проблемы инженерной психологии», вып. 1, М., 1971.
17. Г. П. Щедровицкий. Два понятия системы. «Труды XIII Международного конгресса по истории науки» секции I A, II, М., 1974.
18. О. И. Генисаретский. Опыт конструирования общественных систем. Сб. «Моделирование социальных процессов», М., 1971.
19. Г. П. Щедровицкий. Система педагогических исследований (методологический анализ),— «Педагогика и логика», М., 1968 (на правах рукописи).
20. «Проблемы исследования структуры науки», Новосибирск, 1967.
21. «Дизайн в сфере проектирования. Методологическое исследование», т. 1, под ред. Г. П. Щедровицкого и О. И. Генисаретского, 1967, архив ВНИИТЭ № 470.
22. Г. П. Щедровицкий, В. Я. Дубровский. Научное исследование в системе «методологической работы»,— «Проблемы исследования структуры науки», Новосибирск, 1967.
23. Г. П. Щедровицкий. Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий,— «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969.
24. Г. П. Щедровицкий, С. Г. Якобсон. К анализу процессов решения простых арифметических задач. Сообщения I—V;— «Доклады АПН РСФСР», 1962.
25. Г. П. Щедровицкий. Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач,— «Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников», М., 1965.
26. Н. С. Пантина. Исследование умственного развития детей в процессе деятельности с дидактическими игрушками,— «Психология и педагогика игры дошкольника», М., 1966.
27. В. М. Розин. Логико-семиотический анализ знаковых средств геометрии,— «Педагогика и логика», М., 1968 (на правах рукописи).
28. Н. И. Непомнящая. Педагогический анализ и конструирование способов решения учебных задач,— Там же.
29. А. С. Москаева. Логический анализ способов решения арифметических задач,— Там же.
30. Н. Г. Алексеев. Формирование осознанного решения учебной задачи,— Там же.
31. Г. П. Щедровицкий. О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики,— «Вопросы психологии», 1964 № 2.
32. О. И. Генисаретский. Понятие о деятельности. Деятельность проектирования,— «Дизайн в сфере проектирования. Методологическое исследование», т. 1, 1967, Архив ВНИИТЭ № 470.
33. С. Г. Якобсон и Н. Ф. Прокина. Организованность и условия формирования ее у младших школьников, М., 1967.
34. В. М. Розин, А. С. Москаева. Предметы изучения структуры науки.— «Проблемы исследования структуры науки», Новосибирск, 1967.
35. В. М. Розин. Структура современной науки,— Там же.
36. В. М. Розин. Об изображении структуры науки,— Там же.
37. Е. Г. Самсонова, Л. А. Воронина. Анализ строения эмпирической науки (на материале исследования физики),— Там же.
38. О. Л. Симоненко. Особенности строения «технических» наук,— Там же.
39. «Рефлексия» — «Философская энциклопедия», т. 4, М., 1967.
40. «Рефлексия» — «Философский словарь, Philosophisches Wörterbuch», М., 1961.
41. Дж. Локк. Избранные философские произведения, т. 1, М., 1960.
42. Г. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разуме, М., 1936.
43. И. Кант. Критика чистого разума, Спб., 1907.
44. И. Г. Фихте. 1. Факты сознания. 2. Наукословие, изложенное в общих чертах, Спб., 1914.
45. Гегель. Наука логика. Сочинения, т. 5, М., 1937.
46. E. Husserl. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie, Bd. 1, Haag, 1950.
47. В. А. Лефевр. О способах представления объектов как систем,— сб. «Философские проблемы современного естествознания», вып. 14, Киев, 1969.

48. **Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский.** К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщение 1,— «Новые исследования в педагогических науках», вып. 2, М., 1964.

49. **Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин.** Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления»,— «Семиотика и восточные языки», М., 1967.

50. **G. P. Schedrovitsky.** Configuration as a Method of Structuring complex Knowledge,— «Systematics», vol. 8, № 4, March 1971.

51. **В. А. Лефевр.** О самоорганизующихся и саморефлективных системах и их исследовании,— «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.

52. **В. А. Лефевр.** Конфликтующие структуры, М., 1967.

53. **О. И. Генисаретский.** Опыт моделирования представляющей и рефлектирующей способностей сознания,— «IV Всесоюзный симпозиум по кибернетике», Тбилиси, 1968.

54. **В. А. Лефевр.** Конфликтующие структуры. 2-ое издание. М., 1973.

55. **В. М. Розин.** Семиотический анализ знаковых средств математики,— «Семиотика и восточные языки», М., 1967.

56. **М. К. Мамардашвили.** Формы и содержание мышления, М., 1968.

57. **Г. П. Щедровицкий.** Смысл и значение,— сб. «Проблемы семантики», М., 1974.

58. **Г. П. Щедровицкий.** Заметки о мышлении по схемам двойного знания,— «Материалы к симпозиуму по логике науки», Киев, 1966.
